

Семён Фёдорович Работников. Художественная автобиография

Я родился 28 января 1939 года в деревне Болшево, расположенной в восьми километрах от древнего города Переславля-Залесского Ярославской области. Раньше Переславский уезд входил в состав Владимирской губернии. Об этой местности говорят: петух запоёт — в трёх областях слышно, в Ярославской, Владимирской и Московской.

Все мои корни крестьянские. К сожалению, крестьяне не вели свою родословную. Кое-что я слышал о своих прадедах. Это были трудолюбивые крестьяне, кормившиеся землёй. Оба моих дела принимали участие в Первой мировой войне. Призваны они были в возрасте 35—36 лет, будучи обременёнными большими семьями, на второй год войны. Отец отца Илья Гаврилович Работников дослужился до унтер-офицера. В 1916 году по болезни вернулся домой и вскоре умер, так что мой отец Фёдор, которому было восемь лет, едва его запомнил. Другой дед Алексей Николаевич Крутов пришёл с фронта в конце 1917 года, привезя два узла подштанников. Одел полдеревни. Русская армия, уже державшая победу в своих руках, под влиянием агитации социалистов разлагалась, и солдаты растаскивали вещевые склады, так что и деду кое-что досталось. Когда в Болшеве организовали колхоз, Алексея Николаевича едва не раскулачили. Он держал трёх коров. Он одним из первых вступил в колхоз, что и спасло его. Алексей Николаевич дожил до 75-летнего возраста, я хорошо его помню. Оба деда были грамотные, закончили церковно-приходскую школу и знали церковнославянский язык. Когда кто-нибудь умирал, деда Алексея звали почитать над усопшим псалтырь.

А вот обе бабушки не умели ни читать, ни писать. Но вряд ли их можно назвать безграмотными. Они знали священную историю, молитвы, посещали церковь и любили слушать, как дед читает Евангелия.

Я рано стал себя помнить. Первые жизненные впечатления относятся к предвоенному времени, когда мне было года два. Своего отца я помню смутно. В первый же день войны он ушёл на сборный пункт, как ему было предписано в военном билете. Участвовал в боях под Москвой осенью 1941 года и был тяжело ранен — в грудь навывлет чуть выше сердца. Об этом мне рассказывала мать, навещавшая его в госпитале в Пушкино. В середине войны он был ещё раз ранен. Умер он в январе 1945 года и похоронен в Белостоке, теперь это в Польше. Сказались ранения и тяготы фронтовой жизни. Ему было 36 лет, как и его отцу, Илье Гавриловичу. Можно сказать, он унаследовал судьбу своего отца.

Детство моё, несмотря на потерю отца и трудные военные и послевоенные годы, было счастливым. Меня все любили, в деревне говорят: жалели, и я всех любил. Семья наша не бедовала, как многодетные семьи, и состояла из четырёх человек: мать Пелагея Алексеевна, бабушка Анна Никитична, брат Юрий (на 8 лет старше меня) и я. Через три дома по тому же посаду жили родители матери, мой дед Алексей и бабушка Евдокия.

Тягу к творчеству я ощутил в раннем детстве. Мне хотелось всё изобразить: воздух, траву, солнце, деревья, животных и, конечно, людей. Однажды набросал сценку, как председатель колхоза, муж моей тётки Александры, отбирает солому у женщин, пришедших на поле к скирде, и грозит им кулаком. Я показал рисунок председателю и пояснил:

— Это вы, дядя Ваня, а это моя мама и моя крёстная кока Настя.

Председатель удивился и задумался. Он пообещал купить мне альбом для рисования и цветные карандаши и сдержал своё слово. Я обклеил все стены избы своими рисунками.

Когда в семилетнем возрасте пошёл в школу, я почувствовал вкус к слову. Произнесённое вслух или про себя слово рисовало в моём воображении яркую картину. Первые мои литературные опыты относятся к детству.

Живя в деревне, я был свидетелем русской национальной жизни. Люди трудились, справляли праздники, посещали церковь, и меня с грудного возраста, закутав в одеяло, возили на санках за пять километров в Красное село, где действовал храм. Забегая вперёд, скажу, что у меня были сомнения и колебания, но далеко от Бога я не уходил. Крестьяне менее, чем другие сословия или классы, были подвержены пропаганде безбожия, но всё же и она проникала в деревню. Тогда и начала разрушаться русская национальная жизнь. Власть бывает враждебна своему народу. Крестьян насильно загнали в колхозы и заставили задарма работать на власть. А люди хотят быть вольными и работать за плату. Начался отток молодёжи из деревень. Брат Юрий уехал в Питер в 1947 году, и следом на нем спустя шесть лет после окончания семилетки подался туда же и я.

Жизнь круто переменялась. Я попал в большой город. В двухгодичном строительном училище собралась безотцовщина из разных областей. Я оказался самым младшим в группе, всего 14 лет. Остальным было 15, 16 и даже 17 лет. В училище не давали среднего образования, и чтобы его получить, пришлось идти в вечернюю школу. Отправилось человек пятнадцать, через неделю осталось нас только трое, и мы ходили до конца. В городе кругозор мой сразу расширился, на меня нахлынул поток новых слов. Но я очень скучал о доме, матери, бабушке, природе. Много раз колебался — бросить всё и уехать назад. От переживаний у меня распухли желёзки, и мне поставили диагноз: туберкулёз лимфоузлов. Слово «туберкулёз» меня страшно напугало. Через два-три месяца всё прошло, я потихоньку привыкал к городу.

Но свою родину никогда не забывал и не забываю. Это единственное место, где я хотел бы жить и окончить дни свои. Сейчас в основном живу в своей деревне, которая, к счастью, не исчезла.

В шестнадцать лет я уже жил самостоятельно и работал на стройках Питера.

Именно в этом возрасте 16—17 лет я начал писать сознательно, поставив перед собой цель: стать писателем. Жизнь людей большого города я тогда не совсем понимал, но зато знал жизнь крестьян в деревне, ежегодно возвращаясь к себе на родину и гостя там по месяцу и более.

Я посещал литературное объединение при заводе «Электросила», которым руководил известный поэт Всеволод Александрович Рождественский. Это был старый русский интеллигент, знавший Николая Гумилёва и Сергея Есенина. Меня приняли доброжелательно. Я читал свои первые прозаические опыты. Вердикт был единогласный: «Способности есть. Пиши!» Самолюбия там не щадили и порой разносили в пух и прах.

Первую попытку поступить в университет я предпринял в возрасте 19 лет. Неплохо сдал экзамены на философский факультет. Я выбрал его, потому что он был самый сложный. Но зачислен не был. Впоследствии узнал, что туда принимают только членов партии.

Снова моя жизнь круто переменялась. Девятнадцатилетним призвали на трёхгодичную военную службу. Служба в армии — особый пласт жизни. Во-первых, ограничение свободы, во-вторых, чёткая субординация и строгая дисциплина. Через армейскую службу проходили все юноши, годные по состоянию здоровья. На неслуживших смотрели презрительно — не страдает ли недержанием мочи по ночам. Поначалу нелегко приходилось, но со временем я привык. Я умудрялся и там писать, хотя свободного времени было в обрез. Служил в полку связи в Подмосковье недалеко от своей родины, и два раза вырывался на сутки, чтобы навестить мать. Солдаты моего призыва попали под берлинский кризис, и нам пришлось переслуживать.

Двадцати четырёх лет я поступил на филологический факультет Ленинградского университета. На этот раз мой выбор был правильным. Ленинградский университет — одно из лучших учебных заведений страны. Традиции шли с дореволюционных времён. Лекции нам читали крупные специалисты. Немало студентов пришло из рабоче-крестьянской среды, как и я, отслужив армию. Нам бесплатно предоставляли общежитие и платили стипендию 40 рублей. Ещё 10 рублей — и можно нормально питаться, а на штаны и ботинки заработаешь летом. Бесплатное образование вплоть до высшего было величайшим достижением нашей страны. Не понимаю, чем может гордиться нынешняя власть, сделавшая высшее образование недоступным для большинства.

В студенческие годы, в основном на каникулах, я написал первый вариант романа о послевоенной деревне. Я назвал его «Столица мироздания». Тогда он не совсем удался. Не хватило жизненного и литературного опыта. Но отдельные страницы я использовал, когда спустя годы перерабатывал его.

Я женился в 26 лет, перейдя на предпоследний курс. У нас родились сын Дмитрий и дочь Наталья.

Окончив университет, я обосновался в Переславле-Залесском, где жила жена, и преподавал русский язык и литературу в техникуме. Но основное моё занятие — творчество, и писал я постоянно, не делая больших перерывов. Не так-то просто войти в литературу даже при наличии способностей. Первый напечатанный в солидном журнале «Север» в 1976 году мой рассказ «Общий сын» был замечен. О нём с теплотой отозвалась газета «Правда» и еженедельник «Литературная Россия». К этому времени я отношу свою литературную зрелость. Так что от начала творчества до зрелости проходит немало лет упорного ученичества.

Первая небольшая книга «Встреча в августе», куда вошли повесть «Наталья Горюнова» и рассказы, была опубликована в Москве в издательстве «Современник». Следующая книга «Разные лица» — в Верхне-Волжском издательстве в Ярославле в 1987 году. К пятидесятилетию я переработал юношеский роман «Столица мироздания», однако напечатан он был лишь в новом веке, в 2002 году в издательстве «Рыбинское подворье». За него я получил премию имени Ивана Захаровича Сурикова.

Я чувствовал себя обязанным написать для детей. Моё деревенское детство, походы с товарищами в лес, разные приключения, животные, интересные люди — всё это живо вырисовывалось в воображении, и я создал повесть в рассказах «Солнце играет». Напечатана только первая часть в Москве в издательстве «Отчий дом» в 2003 году. У меня готовы вторая и третья части. Получилась трилогия о детстве, отрочестве и юности.

В 2013 году опубликована книга о нашей современности «Времена и сроки». В неё вошли роман, давший название книге, и повесть «Первая красавица, или Продаётся почка».

Моё поколение было свидетелем преступлений, совершённых высшей властью, — расчленение великой державы, изъятие пенсионных накоплений у граждан, пресловутая приватизация, развал промышленности, колхозов и совхозов, образования, культуры, можно сказать — всех сфер жизни. То, что произошло, не могло присниться в кошмарном сне. Без войны или стихийных бедствий русский народ поставлен на грань вымирания. Люди побросали партийные книжки, которыми прежде так гордились и носили у сердца, и перелицевались в демократов. В то же время есть немало честнейших людей, радеющих за страну и свой народ. Действительность даёт писателю обильный материал, и нужно прожить несколько жизней, чтобы всё задуманное воплотить.

Остаётся добавить, что членом Союза писателей России я стал в 1995 году.